

68.5

K78

CA-412292

ХИОНИЯ
И
ВЛАДИМИР
КРАСКИНЫ

12+

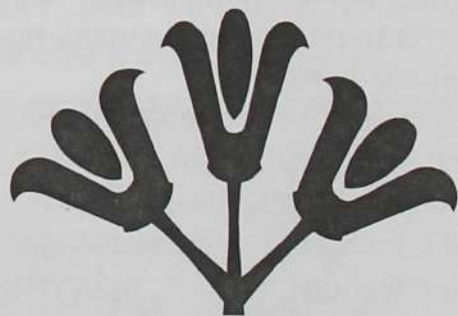
ОТ
НЕВСКОГО
ДО
БАЙКОНУРА

ХИОНИЯ
И
ВЛАДИМИР
КРАСКИНЫ

ОТ
НЕВСКОГО
ДО
БАЙКОНУРА

*Воспоминания
ветеранов космодрома*

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

ca-412292

Рецензия

на книгу **Х. Н. Краскиной и В. Б. Краскина**
«От Невского до Байконура»

Книга Хионии Николаевны и Владимира Борисовича Краскиных, ветеранов космодрома Байконур, открывается посвящением своим товарищам, *«призванным в 1953 году в Вооруженные силы в составе спецнабора и ставшим ядром военных испытателей и создателей ракетно-ядерного щита нашей Родины... а также памяти всех первопроходцев космодрома Байконур».*

В их повествовании отражается огромный жизненный опыт, охватывающий более полувека отечественной истории, преломленный в судьбах поколения, родившегося до Великой Отечественной войны и испытавшего тяготы тех трудных лет в детском возрасте.

Их воспоминания ценны как свидетельства очевидцев, позволяющие увидеть то время без парадного лоска. Мы видим, как формировались взгляды и убеждения поколения, заложившего основы могущества нашей Родины, обеспечившего право на реальный суверенитет в условиях жесткого противостояния государств, характерного для реалий минувшего и нынешнего веков.

Для тех, кто интересуется историей становления нашей ракетной техники и космонавтики, несомненный интерес представляют их рассказы о тех событиях, свидетелями и непосредственными участниками которых им довелось стать. Построение книги в виде параллельного рассказа двух участников, позволяет достичь своеобразного стереоскопического эффекта в понимании достижений того времени.

Помимо чисто житейских наблюдений, зарисовок быта обитателей испытательных полигонов, Капустина Яра и Байконура, мы можем узнать ряд подробностей известных событий «изнутри», так как о них могут рассказать люди, только непосредственно

пережившие все это: и запуск первого спутника, и трагедию октября 1960 года, и полет в космос Юрия Гагарина.

Читая их жизненные истории, невольно задумываешься об истоках патриотизма, об обретении смысла жизни, о той мере мужества, которая необходима для достойного прохождения жизненного пути.

В книге размещены фотографии из их личного архива, снабженные подписями, дополняющими содержание книги информацией, полезной для читателя.

Особую лирическую струю добавляют поэтические вставки, принадлежащие перу Хионии Николаевны. Часть из них использовалась в сборниках стихов ветеранов Байконура, но здесь они звучат по-особому, дополняя повествование о событиях, ставших знаковыми для истории не только нашей страны, но и всей Земной цивилизации.

Весь строй их воспоминаний невольно вызывает ощущение того, что написаны они жителями нашего города, лучших представителей которого отличает особая культура, трудно передаваемая, но неизменно проявляющаяся в их оценках и суждениях.

Выход в свет такой книги будет способствовать выполнению важной задачи — воспитания подрастающего поколения на примерах деяний выдающихся граждан нашего Отчества, способствовавших обеспечению его могущества и технической независимости.

*Председатель секции
истории космонавтики и ракетной техники
Северо-Западной межрегиональной общественной организации
Федерация космонавтики России,
чл.-корр. Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского
В. Н. Куприянов*

Кинотеатр «Колос» существовал некоторое время после войны, а затем его помещение полностью отошло к Ленинградскому комитету по радиофикации и радиовещанию. Комитет в этом здании размещался с 1933 года и занимал только часть помещений. Сейчас здание принадлежит ТРК «Петербург — Пятый канал».

Напротив здания находится еще один исторический памятник: западный портик конюшен Михайловского замка. В 1930-е годы здесь была стоянка извозчиков. Мама рассказывала, что именно отсюда ее отвезли в конце ноября 1930 года в родильный дом на Надеждинской улице (ныне улица Маяковского, дом 5). Там, в знаменитой «Снегиревке», я и появился на свет 28 ноября 1930 года. Это родовспомогательное заведение было создано еще по указу Екатерины II в 1771 году, а в 1919 стало называться роддомом им. проф. В. Ф. Снегирева.

В 1934 году у меня появилась сестра Валерия, а в 1937 году — сестра Наталья.

Наши родители поженились в январе 1930 года, когда маме еще не было восемнадцати лет, а папе исполнилось двадцать два года.

Папа, Бер Борис Аронович (Аркадьевич) Краскин, родился в многодетной еврейской семье в городе Могилеве. В семье было десять детей — две девочки и восемь ребят. Он был шестым ребенком. Окончив в Могилеве пять классов и профессиональную школу строителей, отец в 1926 году переехал в Ленинград, где стал работать сварщиком на сталепрокатном заводе «Красный гвоздильщик», что на Васильевском острове.

В 1933 году по партийной мобилизации отца направили в строительный отдел Балтфлота. С этого времени он был связан со строительством аэродромов для морской авиации. Всю блокаду отец провел в Ленинграде. В это же время он стал кадровым офицером, прослужив в Вооруженных силах до 1954 года, когда был уволен по болезни в звании майора. Скончался в апреле 1979 года.

Мама родилась в 1912 году, в Петербурге, в семье мелкого чиновника. Ее отец, Иван Николаевич Бычков, когда началась Первая мировая война, был призван в действующую армию и направлен на фронт, где погиб в 1916 году.

Иван Николаевич Бычков с женой Александрой Михайловной. 1914 год

Бабушка, Бычкова (Демина) Александра Михайловна, осталась одна с четырьмя детьми, младшей из которых было два года. Мою будущую маму она поместила в Павловский институт благородных девиц, расположенный на Знаменской улице (Восстания), дом 8. Это был бывший военно-сиротский дом, основанный еще при Павле I. Туда главным образом принимали детей воинов, погибших при защите Отечества.

С 1918 года институт преобразовали в детский дом, в котором мама находилась до 1924 года. В 16 лет она пошла на курсы бухгалтеров, которые успешно окончила в 1928 году.

У мамы был легкий характер. Воспитывая троих детей в тяжелые военные и послевоенные годы, она никогда не унывала (по крайней мере, не показывала виду), избегала обострения отношений с людьми.

Она очень любила наш город. Умирая, она мне сказала: «Знаешь, как интересно получается: я родилась в Петербурге, жила в Ленинграде, а умираю в Петербурге». Это было в феврале 1995 года. Она дождалась того времени, когда городу вернули его историческое имя.

ничным клеткам, укладывая на площадках каждого этажа. Эти «чулочные колбасы» предназначались для засыпания и гашения зажигательных бомб. Кроме чулок по квартирам собирали винные бутылки. Их относили во двор райкома партии, расположенного во дворце Белосельских-Белозерских, что на углу Невского проспекта и Фонтанки. Как нам объяснили, бутылки заполнят зажигательной жидкостью и на фронте будут использовать как противотанковые гранаты.

18 июля ввели продовольственные карточки. В магазинах еще был широкий выбор продуктов. Помню пирамиды из банок с консервированными крабами, которые мало кто покупал. В открывшихся коммерческих магазинах продукты продавались без карточек, но по повышенным ценам.

ЭВАКУАЦИЯ. ЧЕРДАКЛЫ

Где-то в начале августа папа сообщил, что обстановка на фронте становится все более угрожающей и принято решение об эвакуации семей военнослужащих. Мама сначала воспротивилась, но, возможно, беспокойство о детях заставило ее смириться с мыслью об эвакуации.

Выезд из Ленинграда был назначен на 17 августа. Было решено, что кроме нас с мамой поедет бабушка и тетя Клава, мамина сестра, с дочкой Галиной. Начались сборы.

Активное участие в подготовке к нашему отъезду приняла Таисия Александровна. На всю жизнь осталась в памяти ее забота о нас, детях. Каждому она сшила рюкзачок из какой-то зеленой материи, положила в них по банке сгущенного молока, пачке печенья, комплект белья и еще, наверное, что-то, я сейчас уже и не помню. Но хорошо помню, что среди продуктов и белья в рюкзачках были и консервные ножи. К каждому рюкзачку она пришила кусочек белой материи, на котором ляписом написала наши имена и фамилии с ленинградским адресом.

Перед отъездом мы с мамой прошли по магазинам, выкупая по карточкам продукты в дорогу. Зашли в Лавку писателей и там

купили только что выпущенный роман В. Каверина «Два капитана» и «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна. Эти книги уехали со мной в эвакуацию.

Вечером 16 августа к нам приехали бабушка, тетя Клава с Галиной и вещами. Они переночевали в нашей квартире. А рано утром папа на грузовой машине отвез нас на станцию Московская-Товарная. Вместе с нами поехала и тетя Таичка. На станции стоял большой состав из товарных вагонов с двумя паровозами. Вагоны были пронумерованы и заранее распределены между отъезжающими. Я не помню номер нашего вагона, он находился где-то в середине состава, вагонов было сорок.

В каждом вагоне были сооружены из досок двухэтажные нары — у передней и задней стенок. В таком вагоне размещалось не менее сорока человек. Во время погрузки раздался сигнал воздушной тревоги, но погрузка не прекратилась. Минут через двадцать прозвучал сигнал отбоя тревоги.

Мы долго прощались. Тетя Таичка время от времени поправляла наши рюкзаки и наставляла, как вести себя в дороге.

Нам было неизвестно, куда направляется состав, и Таисия Александровна не знала, останутся ли они в городе или эвакуируются. Поэтому она дала маме адрес своей сестры, Александры Александровны Вязовской, проживающей в Москве, чтобы через нее поддерживать связь. Но все считали, что мы скоро вернемся.

Раздалась громкая команда: «По вагонам!» Под перестук буферов, начавших движение вагонов и прощальные гудки паровозов мы медленно тронулись вдоль перрона. Таисия Александровна долго бежала, махая нам рукой. Мы стояли у открытых дверей и что-то ей кричали. Мы не знали, что видим нашу дорогую тетю Таичку в последний раз.

Путь наш длился десять суток. Недалеко от Ленинграда, проезжая какую-то станцию, мы попали под бомбежку. Поезд не остановился, а увеличил скорость. До сих пор перед глазами стоят раскачивающиеся стены вагона и через открытую дверь промелькнувшее горящее здание вокзала.

По дороге мы чаще стояли, чем ехали, пропуская санитарные поезда с ранеными, а на разъездах — встречные эшелоны с войсками и техникой. На больших станциях, при остановке поезда,

Но жизнь продолжалась, и мы приступили к занятиям в новых для нас условиях. Занятия проводились в режиме абсолютной секретности: мы стали изучать современную ракетную технику и теоретические предметы, связанные с ее боевым применением. Первое, что мы обязаны были изучить, был приказ военного министра № 0010сс. Приказ скрупулезно определял порядок секретного делопроизводства: как и в чем вести секретные записи, как хранить и передавать секретные документы и многое другое.

Нам выдали специальные портфели (папки) и металлические номерные печати. В папке нужно было хранить тетради с конспектами лекций и любые секретные документы. Папка опечатывалась печатью с помощью пластилина. Кроме тетрадей в папке обязательно должен был находиться реестр, в который записывалось все содержимое папки. Передача конспекта или иного секретного документа другому лицу сопровождалась соответствующей записью в реестре. Папки хранились в секретной части и выдавались под специальный жетон, в котором указывались номер папки и фамилия владельца. Жетон сдавался в обмен на папку. Вынести папку за стены академии было невозможно, так как этот жетон должен был предъявляться вместе с пропуском при выходе из Академии.

Лекции записывались в специальных тетрадях с пронумерованными и прошитыми листами (остряки тут же называли такие тетради «прошнумерованными»).

Занятия велись на факультете реактивного вооружения. Начальником факультета был генерал Нестеренко, Алексей Иванович, — будущий первый начальник научно-исследовательского испытательного полигона № 5 МО СССР (в дальнейшем — космодром Байконур). Факультет был расположен внутри академии на отдельной территории. На факультет можно было пройти только по специальному пропуску.

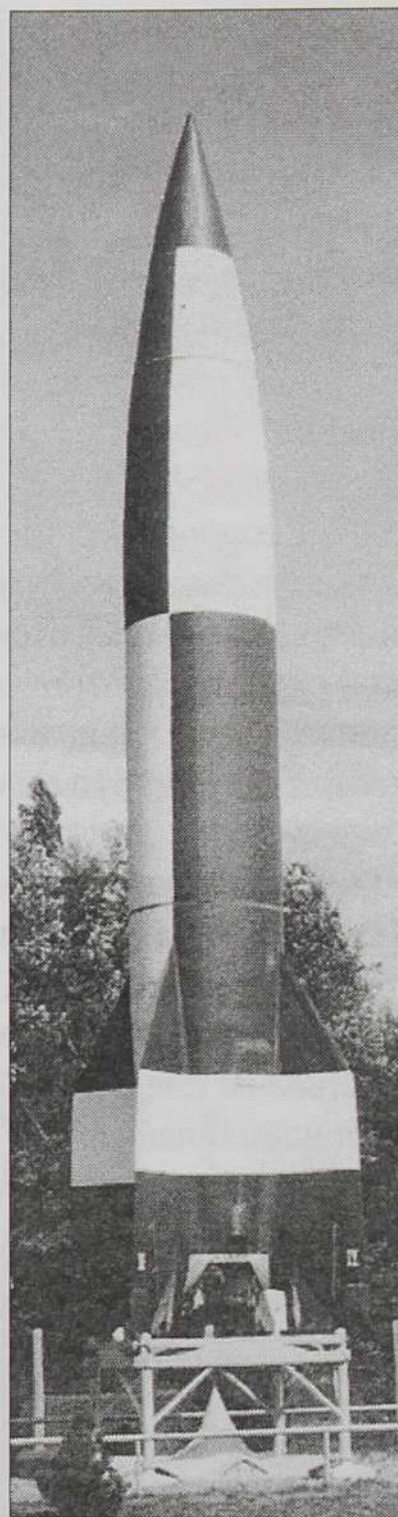
Занятия проводились как в виде аудиторных лекций по теоретическим дисциплинам, так и в виде практических занятий при изучении конкретных образцов ракетной техники. Последняя была представлена немецкими зенитными ракетами с красивыми названиями: «Шметтерлинг» («Бабочка»), «Вассерфаль» («Водопад»), «Рейнтохтер» («Дочь Рейна»), а также Фау-2 (V-2, от немецкого «Vergeltungs-vaffe» — «Оружие возмездия»). Если зенитные

ракеты изучались обзорно, поверхностно, то баллистическая ракета Фау-2 — очень подробно. На лекциях нам детально рассказывалось о тактико-технических характеристиках ракеты, о ее конструкции и о электро-пневмогидравлической схеме управления. Последняя была представлена на огромном плакате, размером примерно два на пять метров. Знать нужно было назначение каждого реле, клапана или устройства, показанного на схеме, и взаимосвязь между ними.

Должен сказать, что детальное знакомство с немецкой ракетой в последующем очень облегчило изучение советских баллистических ракет. В каждом новом типе ракеты обращалось основное внимание на отличия от предыдущей и детально уже изучались только эти отличия.

Вся представленная в академии ракетная техника производила поразительное впечатление: огромное количество сложных приборов, реле, вентилях и переплетение кабелей, труб и трубочек — все это для того, чтобы доставить 900 килограмм взрывчатки на расстояние около 300 километров. И, в конце концов, всю эту сложнейшую технику превратить в металлолом! В институте мы изучали 85-миллиметровое зенитное орудие и были знакомы с устройством зенитного снаряда. Невольное сравнение ракеты со снарядом вызвало противоречивые чувства. С одной стороны, восхищение инженерной мыслью, а с другой — неприятие разрушительного и смертоносного предназначения ракеты.

Помимо изучения материальной части и основ устройства и конструкции ракет на лекциях нам читались курсы баллистики,

Ракета Фау-2

БАЙКОНУР. НАЧАЛО

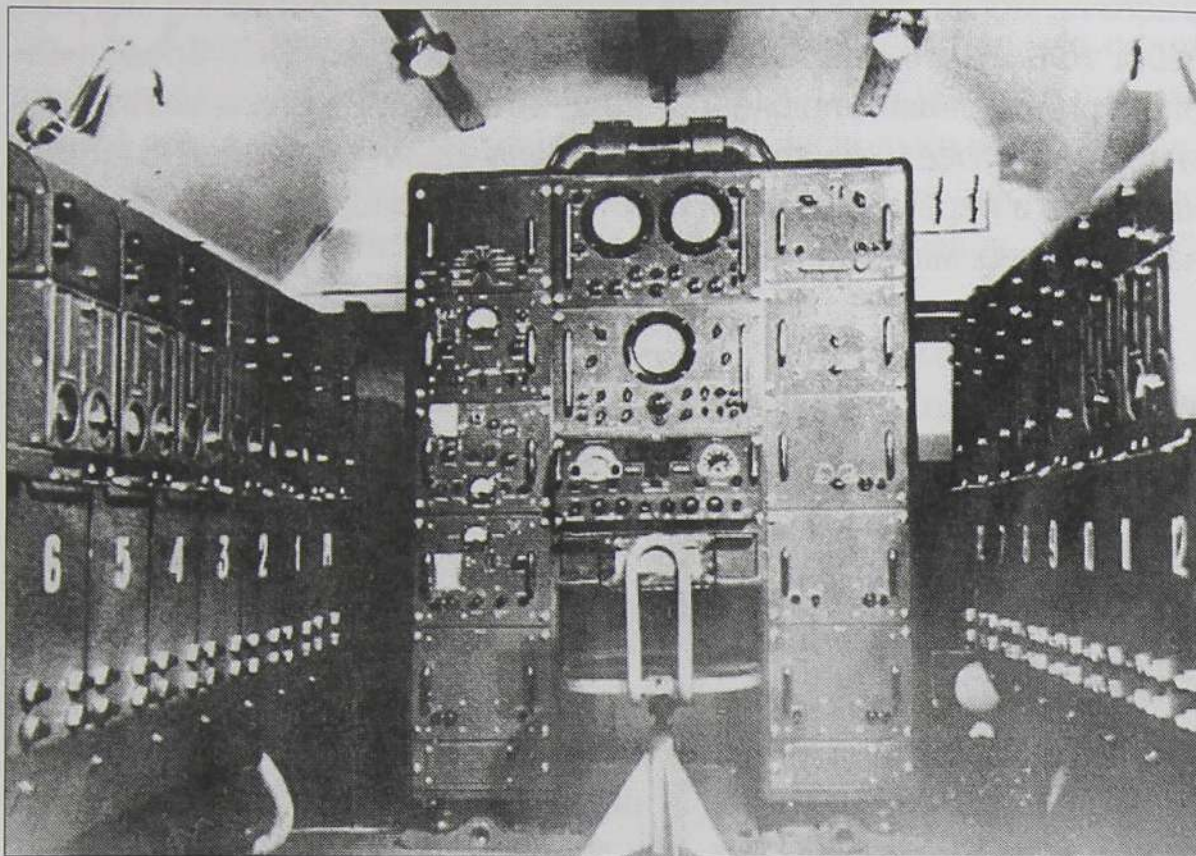
10 октября 1956 года мое семейство в составе жены, тещи и сына во главе со мной прибыло на железнодорожный разъезд Тюратам. Нас встретили ослепительное солнце, 30-градусная жара и бескрайняя пустыня. Мы увидели унылое здание «вокзала», водонапорную башню и несколько покосившихся саманных домишек. Погрузившись в ожидавшую нас грузовую машину, мы через пять километров приехали в поселок.

Будущий Байконур — площадка № 10. Октябрь 1956 года

Назывался поселок просто: площадка № 10. Он представлял собой ряды одноэтажных сборно-щитовых домиков, в одном из которых располагался штаб в/ч 11284. Вокруг ни кустика, ни травинки. В воздухе висит всепроникающая пудрообразная пыль из-под колес грузовых машин, колесивших по бездорожью. Радости на лицах своих женщин я не видел. «Куда же ты нас привез?» — печально произнесла теща. Надо отдать ей должное: в течение всех восьми лет, пока мы с Хионией трудились на космодроме, она каждую зиму была с нами, стойко перенося трудности первых лет становления космодрома Байконур (соседи ее называли «героической тещей»). На лето забирала сына Димку и увозила его в Ленинград, подальше от жары, которая летом доходила до 44 градусов.

на измерительном пункте, начальство выделило Хионии новенький белый овчинный полушубок и валенки. Ей трудно приходилось в мужском коллективе, особенно в полевых условиях.

Главный пульт станции «Трал». Справа и слева — фотоблоки (регистраторы телеметрических данных)

Кроме того, она участвовала в монтаже телеметрического оборудования многоканального наземного регистратора (МНР-1) на первом стартовом комплексе полигона, который впоследствии стали называть «Гагаринским стартом». И сейчас, когда по телевизору показывают ракету «Союз», поднимающуюся с этого старта, она с грустной гордостью говорит: «И я там работала...»

К началу 1957 года весь полигонный измерительный комплекс был готов к работе. К этому же времени были готовы почти все сооружения стартового комплекса: монтажно-испытательный корпус (МИК), стартовая площадка, бункер и другие вспомогательные сооружения. Работа велась круглосуточно в бешеном темпе. При выемке газоотводного котлована в сутки вынималось до 15 тысяч кубометров грунта. Все это делали военные строители.

ну Луны стала мировой сенсацией. Была достигнута вторая космическая скорость (11,2 км/сек), и аппарат стал первым искусственным спутником Солнца. Журналисты называли его планетой «Мечта».

ЗАПУСК ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС

В своих воспоминаниях о годах, проведенных на Байконуре, я вынужден личные дела и впечатления связывать в конечном итоге с событиями начала космической эры. Так сложилась судьба, и не только моя — в 50–60-е годы многие из нас оказались вовлеченными в дела, имеющие большое значение для человечества. Может, это звучит очень громко, но так оно и было.

Участвуя в испытаниях боевых ракет и в запусках космических аппаратов, я, да и не только я, думал: а когда же полетит человек? И этот день наступил. После ряда запусков космических аппаратов с собачками на борту (как удачных, так и неудачных) наконец было принято решение о полете человека в космос.

Одновременно с подготовкой ракеты-носителя и корабля «Восток» шли испытания и боевых ракет. Так, за день до знаменитого запуска Ю. А. Гагарина в космос должен был состояться пуск боевой ракеты со стартовой площадки, расположенной в нескольких километрах от другой стартовой площадки, где уже была установлена ракета с кораблем «Восток».

11 апреля 1961 года я с утра находился на пристартовом измерительном пункте (на расстоянии 1410 метров от старта) и занимался обычной подготовкой, связанной как с предстоящими испытаниями боевой ракеты, так и с запуском корабля «Восток». Конечно, все мысли были направлены на предстоящий полет человека. Состояние было тревожное. Мы все знали, что не каждый пуск ракеты бывает удачным. Ракеты взрывались как на старте, так и в полете. Системы аварийного спасения, которая имеется на современных «Союзах», тогда еще не было. Обеспечение спасения космонавта при аварии ракеты на старте и в первые секунды полета (примерно до 16-й секунды) было самым острым вопросом подготовки полета

НАЧАЛО ИСПЫТАНИЙ «СЕМЕРКИ»

З марта 1957 года на полигон была доставлена ракета Р-7. Как я уже писала, ни между собой, ни в отчетах, даже с грифом «сов. секретно», слово «ракета» не употреблялось. Вместо него использовалось слово «изделие». А Королев вообще ракету называл «машина». Ракета Р-7 была изделием 8К71. Потом мы ее называли просто «семерка».

Прибыла она в Тюратам в специальном железнодорожном составе из нескольких вагонов, внешне напоминающих пассажирские, но более длинных и с окнами, закрытыми матовыми стеклами. Такая была маскировка. От разъезда по только что построенной железнодорожной ветке тем же составом ее доставили на площадку № 2, в монтажно-испытательный корпус.

Когда в монтажном зале МИКа я впервые увидела «семерку», то была поражена ее размерами и тем, что она состояла из пяти блоков (не считая головной части), каждый из которых был размером больше, чем ракета Р-2, на которой я работала в Капустином Яру. Один из блоков был центральным, основным, а остальные — боковыми. Мы их называли «боковушками», а вся конструкция ракеты в собранном виде называлась «пакетом».

Блоки ракеты маркировались буквами: А — центральный блок, Б, В, Г и Д — боковые блоки. Бортовая аппаратура системы «Трал» устанавливалась на блоках А и В, а также в головной части. Чтобы различать, с какой части ракеты поступала телеметрическая информация, по предложению Володи ввели собственную условную индексацию бортовой аппаратуры, которая стала общепринятой: «Трал-Ц» — бортовая аппаратура, установленная на центральном блоке А, «Трал-В» — на блоке В и «Трал-Г» — в головной части. Все боковые блоки имели по четыре основных камеры сгорания и по две рулевых, а центральный блок — четыре основных и столько же рулевых камер.

Когда я рассматривала части ракеты, шли автономные испытания системы управления. Внутри ракеты раздавалось какое-то шуршание, щелканье и шипение выпускаемого воздуха. Это работала пневмосистема управления рулевыми камерами. Было интересно наблюдать за их поворотами в ту или иную сторону, как буд-

то они происходили произвольно. Казалось, что ракета — это живой организм.

Мне трудно было тогда представить, что все блоки будут собраны в единый грандиозный пакет, при пуске которого все двигатели будут работать одновременно и оторвут эту огромную конструкцию от Земли.

В монтажно-испытательном корпусе нашему отделу выделили несколько комнат. На первом этаже в одной из двух смежных комнат были установлены проявочные машины. Их использовали для проявки пленок со станций «Трал», привозимых с ИП-1 после проведения различных испытаний ракеты в МИКе. В другой комнате, проходной, находились столы с устройствами для просмотра проявленных пленок и канцелярский шкаф с несекретной документацией. Обычно в комнате присутствовали два-три сотрудника отдела. Остальные были на рабочих местах в монтажном зале или на ИПе.

Наземные испытания систем ракеты в МИКе шли по четкому графику. Но в случае обнаружения неисправности в какой-либо системе график нарушался и начинались поиски причины возникновения неисправности. Поиски могли продолжаться неопределенно долго.

Как во многих профессиях используется свой жаргон, так и испытатели-ракетчики применяли жаргонные слова. Например, процесс поиска неисправности назывался «искать боба» или «гонять боба».

Кстати, у американских ракетчиков было нечто похожее. Они использовали жаргонное слово «debugging», которое можно перевести как «поиск клопа» (от слова «a bug» — «клоп»). Есть у них еще одно слово с нехарактерным для английского языка суффиксом «nik» — «flopnik». Оно появилось после запуска первого советского искусственного спутника Земли и образовано от глагола «to flop» — «шлепаться». Точный перевод: «flopnik» — «шлепник». Это слово американские ракетчики используют в случае аварийного старта ракеты. Вот таково влияние русского языка на английский!

У нас было еще одно жаргонное слово, родившееся в Капустинском Яру. Это слово «банкобус». Оно происходит от слияния двух слов — «банковать» и «автобус». Картежный термин «банковать» означает «поставить на кон». Но у него есть еще одно жаргонное

Содержание

Рецензия.....	3
Предисловие.....	7

ВЛАДИМИР. Этапы судьбы

Ленинград. Невский проспект	13
Детство	13
Школа	30
Война.....	34
Эвакуация. Чердаклы	39
Эвакуация. Куйбышев.....	46
Снова Ленинград	48
Судьба Ильиных-Женевских.....	54
Кенигсберг — Калининград.....	58
Институт.....	62
Академия	67
Капустин Яр	80
Тюратам. Байконур	87
Байконур. Начало.....	94
Первые пуски.....	99
Первый искусственный спутник.....	103
Наш быт	107
Ракета Р-16	107
Жизнь продолжается	112
Опасный запуск	115
Главный конструктор	118
Лунная программа.....	124
Запуск человека в Космос.....	125
«Космический стук».....	132

ХИОНИЯ. Пути-дороги. Асфальт и песок

Ленинград. Невский проспект	141
Мои корни. Детство.....	141
Война. Блокада.....	154
Эвакуация. Сибирь.....	163
После войны	165
Институтские годы.....	168
Студенческий стройотряд. Ложголовская ГЭС	172
Начало.....	173
Поход на лодках по Вуоксе	175
Спецнабор	177
Разлука, но не расставание	179

Капустин Яр	182
Начало семейной жизни на ракетном полигоне	182
Моя работа на полигоне	186
Новый поворот судьбы	188
Тюратам. Байконур	191
По дороге в Тюратам	191
Школьная, дом 22	193
Городу — быть!	196
Работа на измерительном пункте. Система «Трал»	199
Работа на площадке № 1. Система МНР-1	205
Наш быт	206
Начало испытаний «семерки»	210
Команда Королева и Богомолова	212
Выносной измерительный пункт. Первый запуск «семерки»	217
Наконец-то!	220
Первый искусственный спутник Земли	222
Второй спутник. Лайка	223
Работа в отделе	226
Новая квартира	232
Жизнь продолжается	233
«Освоение» Луны	234
Первая серьезная авария	235
Орбитальные полеты собачек	236
Катастрофа 24 октября 1960 года	236
Новые обстоятельства в нашей жизни	246
Дальний Космос и подготовка к полету человека	248
12 апреля 1961 года	250
«Тюрэстрада»	255
Завершение Байконурской эпопеи	265
 Эпилог	 271
 БАЙКОНУРСКАЯ ТЕТРАДЬ	 280
Судьба моя	283
«Жаркое» лето и осень 57-го	285
Октябрь 1957 года	287
12 апреля 1961	290
Космос N	292
 Использованные источники	 293